

Е.К. Макаренко

Томский государственный педагогический университет

**Агиография XX века
Проблема жанра и методов его исследования**

Аннотация: Статья посвящена малоисследованной в современном литературоведении проблеме – агиографии последних веков: проблемы развития и функционирования жанра жития святых XVIII – XXI вв. и методов его исследования.

The article is devoted to the problems of development and functioning of the genre of Lives of Saints XVIII – XX centuries and methods of its research, which are poorly investigated in the modern literary criticism.

Ключевые слова: литературный процесс, агиография, жития святых, жанр, светское, духовное, канон, мученики.

Literary process, hagiography, Lives of Saints, genre, secular, spiritual, canon, martyrs.

УДК: 82-1-9; 82-343.5.

Контактная информация: Томск, ул. Киевская, 60. ТГПУ, филологический факультет. Тел. (3822) 529889. E-mail: andre@tspu.edu.ru.

Литературный процесс в русской истории сложился таким образом, что в XVII столетии, ставшем переходной эпохой от древнерусского периода к новому времени, началось расслоение искусства, вызванного процессом его секуляризации. Выделилось светское искусство, которое все более отдалялось от церковного. Церковное искусство продолжало вплоть до нашего времени существовать как параллельная, самостоятельная область. В XVII веке, когда наша культура пережила свой Ренессанс, в русской литературе происходит постепенная смена жанровой парадигмы, наблюдается смещение жанровых форм: центр литературного процесса заполнили новые жанры (переводной роман, бытовая и сатирическая повесть, книжная поэзия), а прежние ведущие жанры древнерусской литературы ушли на периферию и стали разлагаться либо перестали совсем существовать. Это коснулось и агиографического жанра, который находился в центре литературного процесса в древнерусский период, но постепенно утрачивает свое ведущее место, уходя на периферию. Жития святых XVII века представляют собой логическое завершение древнерусской агиографии и постепенный переход к новому периоду русской литературы. Уже в первой половине XVII века наблюдается трансформация жанра, когда агиографические произведения наполняются географическими реалиями (например, «Повесть о житии Варлаама Керетского»), элементами бытовой повести («Повесть об Ульянии Осорьиной», «Повесть о Марфе и Марии»). Во второй половине XVII века появился ряд раскольнических сочинений, которые по своей жанровой природе можно определить как церковную публицистику.

В своем каноническом виде сохраняется церковная традиция составления канонических житий на основании общих требований, сложившейся жанровой традиции. Но она со временем стала принадлежать только сфере церковного искусства (показателем этого стало даже то, что литературоведение совсем не изу-

чает жанр жития нового времени, исследуя его только в древнерусском периоде). Таким образом, произошедшая секуляризация культуры привела к расслоению всей культуры на светскую и церковную, и жития святых отошли к области церковного искусства. Им отводилась своя религиозно-дидактическая функция, свое целеполагание – прославлять и сохранять память святых угодников Божиих и служить примером для назидания, наставления в духовной жизни христиан. У нее всегда имелся свой читательский круг.

В секулярной же литературе жанр жития в XVIII, XIX и XX веках, не считая последних десятилетий, продолжал жить, но, постепенно спадая, он разлагается и либо перерождается в жанр мемуарно-биографический, автобиографический (начало этого процесса виден уже в «Житии протопопа Аввакума»), либо распадается на ходовые элементы, которые начинают существовать в качестве мотивов, образов (образы святых в произведениях Пушкина, Достоевского, Лескова, Л.Н. Толстого, Бунина и др.), жанровых схем (например, «Шинель» Гоголя), сюжетных ходов в отдельных авторских произведениях, участвующих в конструировании нового художественного произведения. Так, житийная традиция лежит у истоков формирования мемуарно-биографического жанра, в котором в светской литературе описывается жизнь замечательных людей, совершивших свои «подвиги». Показательна в этом плане женская мемуарная проза. Обращают на себя внимание автобиографические мемуары княгини Натальи Долгоруковой «Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгоруковой, 1767 г.», которые написаны по агиографической модели (сама княгиня описывает себя как великомученицу, а своего мужа как праведника).

Особое место занимает коммунистическая агиография, которая создавалась в новой идеологической культуре России XX века. Очень интересна в связи с этим житийная традиция в повестях и биографиях 1920–1940-х гг., в которых по житийной схеме создаются биографии «великих» вождей революции, так называемая лениниана и сталиниана. Агиография святых-самозванцев XX века развивается как своего рода антижанр, когда при формальном соблюдении житийного жанрового канона содержанием наполняется жизнь не христианского святого, а гонителей христианской веры и церкви, антисвятых (напр., поэма Маяковского «Владимир Ильич Ленин», очерк «В.И. Ленин» Горького [см.: Шатин, 1996]).

В конце XX века агиография, совсем ушедшая на периферию литературного процесса в последние века, вновь возрождается. Начиная с 1988 г. на церковных соборах в лике святых прославляются подвижники, относящиеся как к древности (князь Димитрий Донской, преподобные Андрей Рублев, Максим Грек, Паисий Величковский, святитель Макарий Московский), так и к новому времени (блаженная Ксения Петербургская, Патриархи Иов и Тихон Московские, святитель Феофан Затворник, святой праведный Иоанн Кронштадтский). С 1992 года начинаются канонизации священномучеников: Владимира Киевского, Вениамина Петроградского и др. Таким образом, за десять лет было канонизировано 26 подвижников Русской Православной Церкви. Юридический факт канонизации предваралялся написанием житий прославляемых подвижников. С 1992 года начинается складываться новый пласт житийной литературы, особенно увеличившийся после канонизации более 1100 мучеников и исповедников российских. Важно учитывать, что для Русской Православной Церкви жизнеописания мучеников и исповедников – это совершенно новый жанр, так как Русская Православная Церковь столкнулась с гонениями только в XX веке.

Однако такое уникальное событие, как возрождение жанра агиографии в России, осталось незамеченным историками литературы. Недавно появилась докторская диссертация по культурологии М.М. Лоевской «Русская агиография в культурно-историческом контексте переходных эпох» [Лоевская, 2005], в которой ставятся указанные в нашем докладе вопросы и впервые дается попытка исследовать агиографию XX века. Но в этой серьезной и уникальной работе дается культуроло-

логический анализ, хотя есть выходы и в область литературоведения, когда автор анализирует жития святых. Также необходимо отметить кандидатскую диссертацию священника Леонида Полетаева на тему «Современная агиография и русская житийная традиция», которая была защищена в Санкт-Петербургской Духовной академии в 2007 г.

Нам представляется, что перед литературоведением стоит задача осознать агиографический жанр в современной литературе как факт литературы, постараться определить его место в современном литературном процессе, поскольку до последнего времени этот жанр литературы в силу сложившихся исторических событий был не столько на периферии литературного процесса, сколько вообще вне его области, относясь только лишь к церковному искусству.

Мнение некоторых историков литературы о том, что житийный жанр XX в. не относится к литературным жанрам и потому не должен интересовать литературоведение, вызывает сомнение по ряду причин. Во-первых, научная логика не позволяет нам один и тот же жанр, существовавший в древнерусском периоде и признанный как бесспорный объект литературоведения, и существующий в современном культурном пространстве, рассматривать как разные жанры, так как любой развивающийся во времени жанр остается тождественен самому себе. Более того, кажется странной научная логика, когда наука изучает рождение и развитие какого-либо жанра и отказывается проследить его дальнейшее существование, тем более – его возрождение. Во-вторых, исторически сложившееся размежевание и даже противопоставление светской и церковной культуры привело к тому, что житийная литература стала восприниматься как относящаяся лишь к церковной сфере. Действительно, агиография занимает пограничное пространство в светско-религиозном культурном диалоге. Однако в наши дни границы своих исследований расширяют многие гуманитарные области научного знания, в том числе и литературоведение, которое включает в пространство своего исследовательского поля такие пограничные околохудожественные явления, как публицистика, мемуары, жанры современной массовой литературы (фэнтези, детективы) и др. И современная житийная литература никак не нарушает эту тенденцию в плане возможности стать объектом современного литературоведения, тем более что (повторюсь) она уже была признана объектом исследования, вспомним хотя бы широко известные работы академика Д.С. Лихачева.

Нам представляется, что необходимо выделить в современной агиографии канонические жития и неканонические. Канонические жития в свою очередь могут подвергаться авторской обработке. В них автор иногда пытается самостоятельно осмыслить события, дать им свою оценку, а при недостатке фактов решается делать свои предположения. В таких житийных произведениях писатель может вводить психологизм и отдавать предпочтение художественной форме произведения перед фактологической стороной. Особую группу составляет детская литература, которая сейчас очень активно развивается. Появились адаптированные для детей жития святых. Например, про местночтимого св. старца Феодора Томского существует помимо канонического жития, также жития, обработанные авторами (например, «Святой праведный Феодор Томский», автор-составитель которого С.В. Фомин), среди которых выделяются детские варианты (см. «О дивном старце, стороне Сибирской и о людях добрых» С.В. Татаркиной и «Благословенный старец» Ю.А. Успеневой). В таких произведениях важны авторская установка, стиль, соотношение документального и художественного начал, наличие художественного вымысла, установка на аудиторию (детскую, православную, инославную), целеполагание.

Группа неканонических житий, которые можно назвать агиобиографиями – это описание жизни неканонизированных подвижников. Появившееся обилие жизнеописаний подвижников благочестия связано с тем, что в XX веке было огромное количество пострадавших верующих людей. По данным правительствен-

ной комиссии по реабилитации жертв политических репрессий только за 1937–38 гг. было арестовано около 165 тыс. православных священнослужителей и около 107 тыс. из них расстреляно. Осложняет их изучение то, что только в начале 90-х гг. прошлого века некоторые исследователи получили частичный доступ к архивам КГБ, и лишь в конце 90-х гг., когда началась передача фондов со следственными делами в государственные архивы, стало возможным массовое ознакомление с архивами репрессивных органов.

Встречаются описания и воспоминания о жизни подвижников, которые не канонизированы из-за малого прошедшего времени, либо они не признаны святыми, хотя своей жизнью и являют достаточный пример благочестия и чистоты. Это особая группа воспоминаний о подвижниках, различных мемуаров, документально-исторических очерков, биографий и автобиографий. По форме они чаще всего представляют собою мемуары, тематически же – описанием жизни подвижника – они сближаются с житийной традицией. Такого рода книги в разном соотношении сочетают жанровые признаки художественной, публицистической и научной (документально-исторической) литературы. Этот большой документальный и мемуарный материал не может быть незамечен, так как он занимает значительное место в современной духовной литературе. Достаточно указать такие недавно появившиеся книги, как «Отец Арсений», «Монахи – возлюбленные дети Господни», «Православные подвижники XX века», «Красная Пасха», сборник очерков и рассказов о старцах, наших современниках – «Подвижники благочестия XX века» протоиерея Михаила Малеева и много других.

В этих произведениях можно увидеть две тенденции. Первая – это описание жизни святого по строгим житийным канонам, когда подбираются только те факты, которые показывают нам путь спасения подвижника и его подвиги (см. «Православные подвижники XX века»). Вторая тенденция иная: стремление представить подвижника живым лицом через передачу разговоров с подвижником, бытовое поведение, описание каких-то частных житейских фактов, которые могут служить не только раскрытию духовной высоты и красоты человека, но раскрывают перед нами и его чисто личные интересы и привязанности, служат психологизации и индивидуализации («Подвижники благочестия XX века»). Это создается для того, чтобы раскрыть психологический и человеческий портрет подвижника, лучше его представить, заставить полюбить. Насколько такие появившиеся в большом объеме очерки, мемуары, биографии и воспоминания подвижников приближаются к житийному канону или отдаляются от него, приобретая черты светской, хотя и духовной, мемуарной литературы или документально-публицистической, зависит от нескольких жанрообразующих факторов: при сохранении тематического единства – жизнь подвижника – важны авторская позиция (выраженность личности автора или безличностный характер представления), стиль, соотношения документального, публицистического и художественного начал, целеполагание (в основе жития должен лежать сотериологический принцип), установка (назидательная или описательная, с целью сбора материала для канонизации или для популяризации), композиция, наличие художественного вымысла, ориентация на аудиторию (взрослую, детскую, православную, инославную), нацеленность на отнесенность к светской литературе или духовной, церковной.

Особая тема – это документальный материал, представленный в письмах, дневниках, воспоминаниях о прославленных святых. Его можно классифицировать как околожанровое пространство жития, поскольку он дополняет житие святых, даже служит, возможно, необходимым материалом при канонизации святых, поскольку раскрывает не только факты жизни, но показывает внутреннюю жизнь человека. Например, таким материалом мы располагаем в отношении святых царственных страстотерпцев, поскольку о них сохранилось достаточно много воспоминаний светских людей, родственников, их окружения, сохранился дневник Ни-

колая II, семейная переписка всех членов семьи. Этот документальный материал раскрывает нам человеческий, внутренний облик прославленных святых.

Третий вопрос, который мы рассмотрим в нашем докладе специально – это проблема современного житийного канона. Именно в конце XX века стала актуальной постановка такой проблемы, как поиск и выбор жанрового канона. В связи с этим очень интересным представляется доклад священника Олега Митрова на XI международных Рождественских образовательных чтениях 29 января 2003 г. «Опыт написания житий святых, новомучеников и исповедников Российских. Проблема жанра». В этом докладе обсуждается вопрос жанра для составления житий новопрославляемых святых, что в качестве задачи поставила перед собой РПЦ. «Сейчас, после разрыва в церковном предании, вызванного гонениями XX века, перед нами стоит вопрос: к каким традициям в агиографии мы должны вернуться» [Митров, 2004, с. 26], поскольку жанр жития не был статичным, а изменялся в течение всей христианской и, в частности, русской литературы.

Жития святых первых веков Церкви представляли собой скупые сказания о мучениках (мортирии), целиком основанные на подлинных проконсульских актах. После окончания гонений в IV веке стали собирать факты и описывать жизнь не только мучеников и исповедников веры христианской, но и подвижников благочестия, праведников. Появился ряд новых церковных повествований об угодниках. Эти повествования мы находим в различных сборниках, каковы патерики, синаксары. В более позднее время (начиная с IX века) в агиографии начинает преобладать риторическое направление (его расцвет приходится на деятельность Симеона Метафраста – X век), для которого характерна общая риторика, большое значение имеет изощренная литературная форма, появляется некоторый литературный шаблон, который переносится из жития в житие. Жития русских святых также имели развитие по схожей логике.

Учитывая ряд современных социо-культурных и исторических факторов, членами Московской епархиальной комиссии был выбран наиболее адекватный нашему времени ранний, краткий, проложный тип житийного жанра. Проложный тип характеризуется тем, что агиограф, следуя традициям древних мученических актов, излагает только истинные события жизни святого. Проложный тип жития должен быть написан лаконичным и простым языком, поскольку описывает только фактическую сторону.

Выбор этого типа жития был связан, во-первых, из-за схожести исторической ситуации в России XX века и первыми веками гонения на христиан. Именно таким образом первоначально были составлены жития древних мучеников, а подавляющая часть современных житий – мученические. Кроме устного предания (свидетелей, очевидцев жизни и подвигов святого) остались письменные источники – недавно вскрытые архивные документы, акты, протоколы допросов, ордера на арест и приговоры к расстрелу, которые иногда становятся единственным источником для прославления этих святых. Эти протоколы и допросы часто почти в полном объеме (если это раскрывает нам поведение подвижника) входят в современные жития, также как мученические акты составляли первые жития мучеников.

Во-вторых, проложный тип жития является адекватным нашему времени, поскольку информационный текст, основанный на фактах, лучше усваивается современным человеком, чем благочестивая риторика и стилизация под старину, которые воспринимаются современным читателем как подражание и неправдоподобие.

В-третьих, «проложное» изложение предполагает авторскую обезличенность, агиограф только собирает факты и излагает их, как летописец. Это важно при составлении жития святого, так как личностное авторское присутствие вносит ненужные размышления, автор может допустить подмену фактов домыслами,

навязывать свою точку зрения, интерпретацию событий, что ведет к искажению реальности.

Таким образом, проложный тип жития, отличающийся краткостью, простой изложения, фактической стороной, носит историко-документальный характер, лишен риторических рассуждений, для него характерно безличное авторское начало. Существуют разновидности житийного жанра, связанные с разным типом святости: жития мучеников (страстотерпцев), святителей, Христа ради юродивых, преподобных, благоверных правителей, праведников и др. Эти житийные типы имеют свои особенности в связи с особым типом подвига. Но в большинстве своем канонические жития XX века отличаются преобладанием интереса к фактологической стороне жития, а не к литературной ее обработке, преобладанием документально-исторического начала над художественным.

Сохранившиеся воспоминания свидетелей подвижнической жизни святого, особенно если сохранились переписка этого святого с близкими, дневники, стихи, более глубоко раскрывают перед нами внутренний облик святого, его духовную жизнь, которая представлена в кратком проложном житии очень сжато и лаконично. Новой особенностью современных житий является богатый иллюстративный материал: это фотографический ряд, документальные фильмы. Жития святых всегда представляли собой креолизованные тексты (в которых существуют смешанные семиотические знаки, коды – иконический и вербальный). Но сейчас наряду с иконами святых богато представлен документальный фотографический материал, что усиливает научно-исторический, документальный характер современного жития.

Необходимо отметить появление в современной жизни такого варианта существования жития, как его интернет-житие (рабочий термин). Жития святых, расположенные в интернете, обычно, на православных сайтах, имеют свои специфические черты – краткость изложения. Если сравнивать существующие в интернете варианты жития с более полными в книжных изданиях, то этот вид существования жития отличает особая краткость и отнесенность к проложному типу жития.

Остановимся на житии святой новомученицы Татианы Томской, которое находится на Томском православном сайте. Подвиг новомученицы Татианы Гримблит заключался в том, что она все зарабатываемые средства, а также то, что ей удавалось собрать в храмах города Томска, меняла на продукты и вещи и передавала их заключенным. Во времена гонений на Церковь новомученица Татиана смело исповедовала веру, поддерживала материально и духовно находящихся в лагерях и тюрьмах священников. Несколько раз она за свою деятельность была арестована, сидела в лагерях и была в ссылках. 23 сентября 1937 г. Татиана Гримблит была расстреляна и погребена в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Перед нами проложный тип жития новомученицы, который характеризуется краткостью, информативностью, преобладанием документально-исторического начала над художественностью. Существует более полный вариант жития новомученицы, составленный игуменом Дамаскином (Орловским), который представлен в отдельной книге [Иеромонах Дамаскин, 1992]. В ней более полно и подробно раскрываются биография и подвиг святой. Интересным является духовная поэзия новомученицы Татианы, раскрывающая духовный и психологический облик подвижницы. Сохранились фотографии ее родителей, деда, протоиерея Антонина Александровича Мисюрова, самой новомученицы Татианы. В житие входят взятые из протоколов допросы, приводятся вопросы следователя и ответы новомученицы, используются записанные ответы свидетелей. Раскрывает внутренний облик святой, ее душевный портрет и духовную подвижническую жизнь сохранившаяся и представленная в житии переписка новомученицы со многими адресатами (арестованные священники), которым она помогала не только материально, но

своею теплотою, любовью и бодростью поддерживала их в тяжелых жизненных испытаниях. Особое место занимают в ее житии духовные стихи, которые раскрывают внутренний мир подвижницы и задают всему ее житию молитвенно-исповедальный тон.

Доля

О душа, не скорби, не боли!
Знаю горькую долю мою;
Сердце, жажду свою утоли
В тех слезах, что я тайно пролью.

Не услышит никто, никогда
Наболевшего стона души,
Буду плакать я только тогда,
Когда ночь. Не заметят в тиши,

Как я Богу молюсь и скорблю,
Призывая напрасно друзей:
Далеко те, кого я люблю,
И не знают печали моей.

Пусть не знают – им легче теперь,
Не увидят решеток они,
И железом обитая дверь
Не закроет веселья огни.

Солнце шлет им горячий привет,
И весна рассыпает цветы, –
Для меня же той радости нет,
Угасают надежды, мечты.

Меня мрачные стены гнетут,
Одиночество душу томит,
По ночам мысли спать не дают,
Сердце бьется в груди и болит.

О душа, не скорби, не боли,
Знаю горькую долю мою.
Сердце, жажду свою утоли
В тех слезах, что я тайно пролью.

1923 год

[Святая новомученица Татиана]

Литература

Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1992. Кн. 1.

Лоевская М.М. Русская агиография в культурно-историческом контексте переходных эпох: дис. ... д-ра культурол. М., 2005.

Митров О. Опыт написания житий святых новомучеников и исповедников Российских // РОФ «Память мучеников и исповедников РПЦ». М., 2004. Вып. 1: Новомученики XX века. С. 24–27.

Шатин Ю.В. Эстетика агиографического дискурса в поэме В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» // Дискурс. 1996. № 2. С. 24–30.

Святая новомученица Татиана / сост. игумен Дамаскин (Орловский) // Православие в Томске. Официальный сайт Томской Епархии Московского Патриархата Русской Православной Церкви. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pravoslavie.tomsk.ru/saints/42/> (дата обращения: 7.06.2010).